

Марианна Сорвина

Русский король Андорры

Как – вы не бывали в Андорре? Какой же вы тогда путешественник?!
Альфонс Доде

В этой истории оказалось много общего с произведениями Ильфа и Петрова о Великом комбинаторе. Хотя бы уже потому, что оба сюжета – вымышленный и настоящий – разворачивались в одно и то же время – после Октябрьской революции.

Эмигрантам, беженцам из России, приходилось в то время учиться жить заново. Не все смогли с этим справиться. Одни русские аристократы становились авантюристами и спекулировали на своем титуле, другие подрабатывали шоферами и горничными. Русские чиновники – юристы и экономисты – искренне верили, что советская власть продержится не более трех-четырёх лет и уступит место буржуазной республике, поэтому уже в Париже энергично сочиняли законы для того Российского государства, которое вскоре появится. Не дождавшись смены власти в России и осознав свою ненужность в этом новом мире, некоторые из них сводили счета с жизнью. Множество трагических судеб, множество разбитых жизней... Но была среди них одна особенная.

Авантюрист на просторах Европы

Остап Бендер, мечтая о Рио-де-Жанейро («Полтора миллиона человек и все поголовно в белых штанах»), сетовал: «Я хочу отсюда уехать. У меня с советской властью возникли за последний год серьезнейшие разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм...»

Те же мысли посещали и Бориса Скосырева, который в силу исторических катаклизмов оказался выброшен на европейское пространство, как рыба на морской берег. Однако в его биографии оказалось намного больше изгибов и порогов, чем в любой горной реке.

Скосырев родился 12 января 1896 года в Вильно, в годы войны был офицером Балтийского флота и получил ранение под Кронштадтом. После революции эмигрировал в Великобританию и некоторое время успешно подвизался в королевских морских силах. Далее он вел какую-то секретную деятельность и служил агентом, по долгу службы побывавшим в Сибири, Японии и США. Речь даже шла о возможных диверсиях.

Потом он регистрировался в испанских отелях как барон Борис Скосырев-Маврузов, граф фон Оранж. Для испанской полиции представлялся подполковником голландской армии и подданным королевы Голландии. Неизвестно, было ли все это правдой или ему удалось выправить фальшивые документы. В июле 1932 года «подполковник» проживал в городе Ситгес на площади Плайя де оро. Его воспринимали как монаршую особу, родственника королевского семейства, недаром же он подчеркивал свое происхождение от графа Оранского. Борис любил дорогие рестораны, одевался дорого, носил цветок в петлице, трость с золотым набалдашником, монокль как признак аристократизма. В общем, он выглядел как франт, и деньги у него водились. Откуда деньги? По всей видимости, его счета оплачивала Полли П. Херрд — английская миллионерша, которую Борис называл «Ламарес». Иногда он исчезал из отеля, что вовсе не интересовало администрацию, но интересовало испанскую полицию. Так было установлено, что Скосырев ездил в Барселону. Несмотря на то, что любящая Ламарес содержала его, он продавал ее подарки и драгоценности. В Испании в годы Второй республики было уже неспокойно. Полиция опасалась непонятных русских авантюристов, тем более что вся страна перед началом гражданской войны была наводнена агентами советских спецслужб, троцкистами, журналистами.

В декабре 1932 года Бориса выслали из материковой части Испании, и он вместе с миллионершей переехал

на Мальорку, откуда его тоже вскоре попросили испанские власти. Так он оказался в Андорре — карликовой стране, которая уже семь веков существовала без налогов.

Как становятся королями

С XIII века, то есть с момента окончания последнего крестового похода, в Андорре ничего не происходило. Договор «Акт-пареаж», подписанный в 1278 году епископом Урхельским и сеньором французского графства Фуа, дал Андорре двойной суверенитет и мирное существование. Так Андорра стала нейтральным государством, находящимся под двойной опекой: полгода управляет епископ Урхельский, за которым стоит Ватикан, а полгода — сеньоры графства Фуа. Государство без армии, без активного управления, зато с коммунами шести долин, которые имеют право принимать решение только вместе. Исторически нейтралитет страны введен де-факто, то есть как некая вечная прерогатива.

Андоррский пейзаж чаще всего представляется новому человеку неуклюжим и неухоженным: холмы сменяются кривыми дорогами, поперек которых зачастую лежат груды камней. В такой стране просто невозможно вести войну, потому что ни лошади, ни танки здесь не пройдут. Однако в начале 1930-х годов в Андорре все же появились строители, которые начали прокладывать автомобильную дорогу из Испании во Францию. В этот момент никого не удивляло появление большого количества иностранцев, и Борис Скосырев затерялся среди них, чтобы лучше осмотреться. Еще до появления в Андорре он знал, что там происходит, потому что хорошо изучил историю страны в залах европейских библиотек. Потом он беседовал с жителями страны, эмигрантами и торговцами, узнал, что осенью 1933 года население Андорры требовало всеобщего избирательного права, национального землепользования, распоряжения природными богатствами и полезными ископаемыми.

Андорру фактически использовали как колонию французы и испанцы, а местное население в расчет не брали. Республиканская Испания отнеслась к этим требованиям более лояльно. Французы назвали происходящие события «революцией». Момент был самый подходящий: мир вокруг бурлил и менялся, королевства превращались в республики, сепаратные движения обострялись, появлялись автономии. Борис Скосырев знал, как убедить народ, у которого еще нет своего лидера, умеющего возглавить толпу. Почему бы ему не стать таким лидером?

Он начал издавека: в 1933 году посетил Андорру в первый раз и смог получить подданство. Борис сразу же обратил внимание на феодальные пережитки, отсталость страны, ее отрезанность от внешнего мира, влияние на княжество иностранных государств. Здесь явно назревали перемены. И он решил заняться политической пропагандой: повести за собой революционно настроенные группы и разбудить сонных андоррцев.

«Господа! Хватит прозябать на задворках истории! Андорра должна стать современным государством, впустить банковский и торговый капитал, учредить акционерные общества. Сколько можно терпеть овечьий суверенитет под управлением двух чужих принцев? Не лучше ли Андорре избрать своего короля?»

И вновь вспоминается Остап Бендер с его идеей международного шахматного конгресса: «...Мои личные связи и ваша самодеятельность — вот все необходимое и достаточное для организации международного Васюкинского турнира. Подумайте над тем, как красиво будет звучать — «Международный Васюкинский турнир 1927 года». Приезд Хозе-Рауля Капабланки, Эммануила Ласкера, Алехина, Нимцовича, Рети, Рубинштейна, Мароци, Тарраша, Видмара и доктора Григорьева обеспечен. Кроме того, обеспечено и мое участие! <...> Васюкинцы денег платить не будут. Они будут их получать! Это же все чрезвычайно просто. Ведь на турнир с участием таких

величайших вельтмейстеров съедутся любители шахмат всего мира. Сотни тысяч людей, богато обеспеченных людей, будут стремиться в Васюки. Во-первых, речной транспорт такого количества людей поднять не сможет. Следовательно, НКПС построит железнодорожную магистраль Москва — Васюки. Это — раз. Два — это гостиницы и небоскребы для размещения гостей. Три — это поднятие сельского хозяйства в радиусе на тысячу километров: гостей нужно снабжать — овощи, фрукты, икра, шоколадные конфеты. Дворец, в котором будет проходить турнир, — четыре. Пять — постройка гаражей для гостевого автотранспорта. Для передачи всему миру сенсационных результатов турнира придется построить сверхмощную радиостанцию. Это — в-шестых. Теперь относительно железнодорожной магистрали Москва — Васюки. Несомненно, таковая не будет обладать такой пропускной способностью, чтобы перевезти в Васюки всех желающих. Отсюда вытекает аэропорт «Большие Васюки» — регулярное отправление почтовых самолетов и дирижаблей во все концы света, включая Лос-Анджелес и Мельбурн».

Сходство речей было несомненным, но при определенном раскладе, в определенную эпоху и при наличии соответствующей публики они не могли не подействовать.

Поначалу на странного господина в монокле смотрели с равнодушным недоумением, принимая его за безумца. А тот уже объявлял о своей близкой дружбе с испанским королем Альфонсо XIII: «Долой гнилую республику! Да здравствует монархия!»

Он выдвигал новые идеи: во Франции вместо президента должен править король, которого он сам, граф Оранский, будет представлять в Андорре.

Сейчас такая удивительная речь вызвала бы большой скепсис, но в те времена все это было в новинку, тем более — для провинциальной уличной толпы, у которой в силу исторической традиции даже не было телеграфа. Люди Андорры просто не понимали реальности и никогда не видели

политической агитации. Им и в голову бы не пришло, что перед ними всего лишь бежавший из России авантюрист с неплохим образованием и поставленной речью. Этим и воспользовался Скосырев. Ему удалось покорить толпу и попасть в генеральный совет.

«Калиф на час»

Июль 1934 года выдался жарким во всех смыслах. Бориса Скосырева поддержали несколько союзников из армий Юденича и Врангеля, некоторые русские эмигранты и население Андорры. Потом его поддержал Генеральный совет. Конституция, опубликованная в местном информационном вестнике, состояла из 17 положений. Вместо Генерального совета предлагалось избирать парламент; король представляет парламенту членов правительства и становится главным дипломатом страны, потому что лично заседает в Лиге Наций; парламент полностью подконтролен королю, а тот в свою очередь защищает права коренного населения. На роль короля Скосырев предложил себя, и на следующий день, 8 июля, Генеральный совет утвердил реформы и признал Скосырева королем независимой Андорры Борисом I.

Поначалу его резиденция находилась в Андорра-ла-Велье, потом он переехал в город Сольдеу. Указы и манифесты следовали один за другим. Король Борис смещал одних министров и назначал других, контролировал местные общины, посылал петиции в Лигу Наций, в Испанию, Францию, требовал, чтобы признали независимость королевства.

Историки отмечают, что очень многое, предложенное Борисом Скосыревым, впоследствии узаконилось в Андорре. Да и в то время его предложения казались разумными. Ему удалось утвердить всеобщее избирательное право, издать ряд указов, в соответствии с которыми Андорра не должна была подчиняться Франции и Испании, провозгласить национальным достоянием не только природные

ресурсы, но и полезные ископаемые. Был введен запрет на частную собственность в отношении земельных территорий и ресурсов. Земля стала собственностью государства или общин.

Но увы! Скосырева погубила его собственная авантюрная натура: в порыве эйфории он, едва став королем, объявил войну сеньору Бисбе — епископу Урхельскому, который посмел нелестно отозваться о нем на страницах газеты. Суть конфликта заключалась в том, что придуманная Скосыревым монархическая демократия предполагала широкие возможности капитала и большую индустрию развлечений, которая поправит экономические дела Андорры. Но епископу совершенно не понравилось решение новоявленного короля построить в Андорре игорные дома.

В середине 1930-х годов объявлять кому-то войну было опрометчиво. Разозленный епископ просто телеграфировал своему испанскому партнеру, а тот отправил в Андорру отряд из четырех жандармов с офицером.

Было 20 июля (иногда упоминается 14 июля). Четыре жандарма без всяких помех отодвинули «армию» Андорры,

состоявшую из шестнадцати чиновников, и, появившись в королевском саду, застали монаршую особу за чаепитием. Мирная картинка сменилась арестом и выдворением короля из собственной страны в Испанию, где началось следствие.

Фиаско

Комиссар барселонской полиции не без удивления листал документы «голландского журналиста», родившегося в России и всего несколько дней назад бывшего королем Андорры.

Журналист возмущался, грозя комиссару всей своей родней, в которой одних только королей было сорок человек. Когда он упомянул «своего друга», короля Испании, комиссар хмыкнул. В Испании давно уже была республика, и упоминание Альфонсо XIII выглядело просто смешно. Комиссар спросил арестанта, какие цели он преследовал, и Борис Скосырев ответил, что с помощью жителей Андорры и шестисот

французских и испанских добровольцев он собирался установить монархию во всех странах Европы.

Самозванца просто выдворили из страны, ведь непонятно было, что с ним делать дальше. И случилось это уже во второй раз. Думается, по той же причине, что и раньше: в Испании было слишком много непонятных русских.

От греха подальше его отправили в Португалию: пусть они разби-

раются. В Португалии Скосырев обрел друга — доктора Франциско Фернандо Лопеза, с которым переписывался потом до конца жизни. Но в Португалии Борис не остался. Он добрался до Франции, где в городе Сен-Канна жила его жена.

Вскоре в стране начались большие перемены. Русский авантюрист угодил в фашистский концлагерь Ла-Верне под Перпиньяном. Там его видел русский ученый и библиограф А. Н. Рубакин: «Сколько в лагере было авантюристов и «прославленных», и никому неведомых бродяг, жуликов, искателей приключений, людей странной судьбы! Незадолго до войны в крохотной республике Андорра, расположенной в долине Пиренеев между Францией и Испанией, появился русский некто Скосырев, провозгласивший себя королем. Французские жандармы Скосырева арестовали и привезли в концлагерь, хотя его следовало бы поместить в сумасшедший дом» (А. Н. Рубакин «В водовороте событий»).

Ла-Верне был жутким лагерем. В нем содержались люди разных национальностей, некоторые — вообще без обвинения. Но всех без разбору били, морили голодом, доводили до истощения. Борису Скосыреву удалось выжить, но на этом его злоключения не закончились. В октябре 1942 года его освободили сами немцы и отправили не то на Восточный фронт переводчиком, не то в СССР, где он вновь попал в лагерь — теперь уже в ГУЛАГ. Там он просидел до 1956 года. После этого бывший король, вечный путешественник и вечный заключенный смог наконец воссоединиться с женой Марией-Луизой. Они поселились в немецком городке Боппард и стали жить на ренту как пенсионеры.

Несмотря на все перипетии и злоключения, Скосырев прожил долгую жизнь. На его надгробии значится дата смерти — 1989 год. Ему было 93 года.